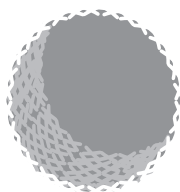

МИЛОРАД ПАВИЧ

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ
Избранные стихотворения

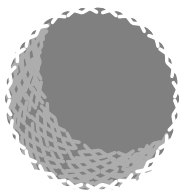
Москва
2024

> МАГИСТРАЛЪ >

МИЛОРАД ПАВИЧ

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ
Избранные стихотворения

Москва

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Юрс)-44
П12

Месечев камен. Палимпсести

Перевод с сербского *Ростокиной А.*

Художественное оформление *Портяной Н.*

Павич, Милорад.
П12 Лунный камень / Милорад Павич; [перевод с сербского А. П. Ростокиной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 128 с.

ISBN 978-5-04-185167-5

Милорад Павич — знаменитый сербский чудотворец слова, перевернувший представления о том, какой может быть художественная проза. Его «Хазарский словарь» оказался не только важнейшей книгой магического реализма, вставшей на один уровень с романом «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсия Маркеса, но и тем произведением, которое опередило своё время. Но мало кто знает, что Милорад Павич был не только романистом: он переводил стихи, подарив сербам новый перевод «Евгения Онегина», а начинал свой путь в литературе как поэт. Впервые на русском мы представляем собрание избранных стихотворений великого писателя: таких же причудливых, таинственных и метафоричных, как и проза Павича. Сплетающие многовековую историю сербского народа с деталями современности, эти стихотворения — отправные точки всего павичевского творчества, кристаллы, в гранях которых отражаются загадочные сюжеты сербского мастера.

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Юрс)-44

© Ростокина А.П., перевод, примечания,
2025

© Шатько Е. В., предисловие, 2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-185167-5

Предисловие

Милорад Павич (1929-2009) — самый читаемый сербский писатель современности, известный в первую очередь своими романами, размывающими границы между привычными жанрами и формами. Его художественный мир выстраивается на принципе объединения, взаимовлияния и взаимопроникновения элементов прошлого и настоящего (а иногда и будущего). Славу ему принес роман «Хазарский словарь», после публикации которого Павича окрестили «автором первой книги XXI века», «предводителем европейского постмодернизма» и «рассказчиком масштаба Гомера». А все потому, что после «смерти автора» Павич назначил читателя «соавтором», создав роман-лексикон, построенный так, что порядок чтения его элементов может быть абсолютно любым. Затем последовали роман-кроссворд («Пейзаж, нарисованный чаем»), роман-клепсидра («Внутренняя сторона ветра»), роман-пособие по гаданию («Последняя любовь в Константинополе»), роман-антология («Бумажный театр») и др. «... наш способ чтения, который практиковался в течение тысячелетий, в настоящее время уже несколько устарел и может быть изменен. Для этого писатель должен уступить часть своей работы читателю, сделав его более равноправным участником процесса

создания литературного произведения. Надо предоставить читателю возможность самому прокладывать себе путь в романе, стихотворении или рассказе, содержание которых будет меняться в зависимости от того, какая карта чтения будет выбрана»¹. Читатели оценили дарованную им свободу.

На рубеже XX и XXI вв. Павич становится самым популярным сербским писателем в России, каковым до сих пор и остается. Знакомство русскоязычных читателей с его произведениями началось в 1991 г., когда в журнале «Иностранная литература» были опубликованы фрагменты «Хазарского словаря». В 1996 г. вышел полный перевод этого романа, мгновенно завоевавший статус «классики» современной зарубежной литературы. В начале 2000-х гг. произведения Павича активно издаются большими тиражами в переводах Н. М. Вагаповой и Л. А. Савельевой, а в театрах ставятся его пьесы: «Вечность и еще один день» (2002) во МХАТ им. А. П. Чехова и «Кровать для троих» (2003) в «Ленсовете».

И если многие читали «Хазарский словарь», а кто-то был настолько очарован витиеватым языком с обилием метафор и цитат, что с нетерпением ждал выхода переводов последующих романов, то о том, что Павич был еще и поэтом, знают единицы. Теперь эта лакуна восполнена: перед вами книга избранных стихотворений из сборников «Палимпсесты» (1967) и «Лунный камень» (1971) в переводе Анны Ростокиной.

Издание снабжено комментариями автора и переводчика, которые помогут лучше понять некоторые реалии; moreover, и предисловие призвано что-то

---

¹ Павич М. Биография Белграда. СПб.: Амфора, 2009. С. 91.

объяснить, однако, следуя заветам любимого автора, напомню, что читатель сам волен выбирать, как именно он будет воспринимать текст: непрерывно или частями, залпом или смакуя каждый образ, доверяя истории, предложенной автором, или перепроверя за ним все данные...

Иначе говоря, читатель может пользоваться книгой так, как ему покажется удобным¹.

«Первая книга Милорада Павича, „Палимпсесты“ ... — настоящее откровение... Поэзия Павича возбуждает наше сознание классическими, мифическими и историческими символами, перенос которых из одного времени в другое осуществляется поистине современно... Павич знал, где стоит искать опору для своей поэзии. Именно поэтому его первая книга стихов так впечатляет: зрелость имеет свое влияние, опирается на эрудицию, что ни на мгновение не подавляет поэтической тонкости...»². Зрелость свою не отрицал и сам поэт:

Я старше стал героя
тех историй, что некогда читал,
Старше, с вечно новой шевелюрой
после стрижки жёстче прежней

Литературный дебют будущего великого писателя не остался незамеченным: многие критики встретили сборник положительными отзывами, подчеркивая выда-

---

¹ Павич М. Хазарский словарь. СПб: Азбука-классика, 2007. С. 23.

² *Поповић Р.* Први писац трећег миленија: животопис Милорада Павића. Београд: Дерета, 2002. С. 36.

ющуюся эрудицию автора, позволяющую ему создавать оммажи (говоря о творчестве Павича, забудем о постмодернистской любви к иронии и пародии) предшествующей литературной традиции.

Стоит напомнить, что Павич — литератор университетского типа. Филолог по образованию, он сначала изучал сербскую литературу барокко, классицизма и предромантизма, преподавал во многих европейских университетах, и лишь затем начал писать литературные тексты сам. В рамках научной деятельности Павич встречался с забытыми писателями и «не существовавшими поэтами, поэтами без стихов», а через них и с их языком — сербославянским и церковнославянским. Исследуя сербскую литературу, он отправился на поиски утраченного языка и одновременно путешествовал во времени. Воскрешая забытых писателей, Павич учился у них: «Те люди очень хорошо знали, что внимание слушающего вас должно оставаться в напряжении, и умели этого добиваться <...> У них я научился тому, что делаю в литературе: в каждом предложении бороться за своего читателя»¹.

Мой язык трижды сбрасывал кожу времени
и три языка позабыл во мне
Но моё сердце ещё знает
язык забытых литургий

---

¹ Кратка историја једне књиге: избор написа о роману лексикону у 100.000 речи «Хазарски речник» од Милорада Павића / Short History of a Book. Critics choice on a lexicon novel in 100.000 words «Dictionary of the Khazars» by Milorad Pavić / Приред. Ј. Тешановић. Вршац: Књижевна општина Вршац, 1991. С. 28.

Ноги мои устали искать
железные посохи
Но моё сердце ещё пускается в странствия
в поисках твоих сожжённых слов.

(Памятник неизвестному поэту)

На фоне современной ему поэзии Павич намеренно использует в строке большее количество слогов, стремясь подражать литургическому стиху, восходящему к сербско-византийской традиции¹, при этом композиция строфы соответствует романской традиции — сонету. Поэт экспериментирует с традиционными каноническими формами, создавая ранее невозможное их сочетание. Коктейль Павич смешивает, но не взбалтывает.

«Я использовал длинный стих, который в моем сознании напоминал риторическое высказывание или литургическую поэзию. С другой стороны, осознавая, что сербский язык не имеет такого большого количества рифм, как некоторые другие языки, я использовал рифмы из нашего старого, средневекового языка, которые, возможно, никогда и не подвергались рифмовке. Таким образом, я включал в свою поэзию слова-девицы...»²

Поиск подходящего поэтического языка оказывается для Павича не только прикладной задачей, но и переходит в область метафизическую: это один из важнейших мотивов поэзии Павича. Так, например, в стихотворении «Икар» лирический герой является посредником, через

---

¹ В это самое время Павич-ученый исследует сербскую литературу периода Барокко.

² *Поповић Р.* Први писац трећег миленија: животопис Милорада Павића. Београд: Дерета, 2002. С. 35.

которого осуществляется взаимодействие и проявляется взаимосвязь языка и времени:

Одалживаю мёртвым свой язык,
когда, переняв песнь у праmaterей своих,
Птицы поют имена страшных ветров,
улетевших с Земли.

Цикличность и неразрывная связь жизни и смерти, памяти и забвения, а также поиска и нахождения бытия емко и ярко отражена в этом стихотворении. Лирический герой переживает два рождения — одно физическое и одно духовное — и обретает способность дать голос мертвым. Имя дважды рожденного, Икар, очевидно отсылает к древнегреческому мифу, однако Павич перерабатывает знакомый сюжет. Судьба поднявшегося слишком высоко теперь настигает голоса: их заглушает «тишинная река». То есть задача воссоздать поэзию (и поэтику) прошлых времен, вдохновляющих автора, невыполнима, однако, на протяжении всего своего творческого пути Павич не оставит попыток одолжить мертвым (поэтам, писателям, хронистам, и шире — жанрам, эпохам...) свой язык.

В примечаниях к своему первому поэтическому сборнику Павич дает подсказку к интерпретации названия: «Палимпсест — греческое слово, означающее пергамент, очищенный от первоначального текста для того, чтобы написать на его месте новый. Таким образом разные труды писали поверх других, и в одной и той же рукописи зачастую скрывается по два или три слоя разного возраста и на разных языках». Однако эта подсказка сомнительного толка, поскольку если в настоящем палимпсесте каждый пласт характеризуется определенными чертами,

свойственными времени, языку, характеру документа, то понимать таким образом организацию сборника стихов Павича в корне неверно. основополагающий принцип его художественного метода заключается в том, что разные временные и языковые слои сосуществуют одновременно, проникая друг в друга; настоящее наполняется знаками более древних текстов, цитатами, символами, манерой выражаться, если хотите. Таким образом выстраивается своего рода диалог между различными текстами, создающими в соприкосновении новое пространство, особое поле, интертекст.

Но ничто не стёрто, и лишь только тени
Взметаёт звёздный вихрь во мне, как начинается волненье
Новых имён среди хлада, где я лежу
И замурованные тени мне возвращают кладези
и храмы,
чтоб жизнью вновь во мне переболеть.

(Палимпсест)

Стихи из сборника «Палимпсесты» представляют собой своего рода окончательный текст, последний, верхний слой, который окажется на воображаемом пергаменте. Однако этот пласт не станет памятником своего времени, как этого можно было бы ожидать, напротив, он станет возвращением ко времени возникновения первого слоя, что вернет голос поэтам прошлого¹:

---

¹ Миленковић Ж. У потрази за изгубљеним језиком // Летеће виолине Милорада Павића. Зборник радова поводом тридесет година од штампања романа Хазарски речник Милорада Павића / Ур. Ј. Марићевић. Нови Сад: Универзитет у Новом Саду, Филолошки факултет, 2015. С. 51.

и лишь я один в реку тишины
Погружаю своё слово
и одалживаю мёртвым свой язык.

(Икар)

Через четыре года после публикации первого сборника, в 1971 г., выходит второй — «Лунный камень». В нем наряду с поэтическими текстами есть и прозаические (не вошедшие, однако, в данное издание): два из них несут функцию предисловия и послесловия, еще три включены в циклы, составляющие данный сборник («Служба Реле Крылатице», «Новые городские стихи», «Косовские апокрифы», «Роман о Трое»). При этом автор оставляет на титульном листе обозначение «стихи». Нам, как это всегда бывает при взаимодействии с творчеством Павича, остается гадать, считал ли он свои фантастические рассказы настолько близкими поэзии, что всерьез именно так определил их жанр (и род), игра ли это с читателем или что-то еще. Одно очевидно — это не ошибка. В дальнейшем он не раз будет сочетать прозу и поэзию в своих книгах («Души купаются в последний раз» 1982, «Хазарский словарь» 1984).

В «Лунном камне» Павич использует лексику и синтаксис, характерный для более древних слоев сербского языка, наряду с современным языком, снова (но уже иначе) он перемежает времена и эпохи, теперь на уровне языка. Прием для Павича новый, а цель, которой он служит, та же — он возрождает традиции сербско-византийской литературы, создает службы, стихирь, песни и др.

Первый цикл этого сборника — «Служба Реле Крылатице», посвященная герою сербского эпоса, брату королевича Марко. Персонаж легенды привлекал поэта своей необычной природой, ему же были переданы столь